
РЕМИНИСЦЕНЦИИ «ТИБЕТСКОЙ КНИГИ МЕРТВЫХ» В КНИГЕ В. ПЕЛЕВИНА «АНАНАСНАЯ ВОДА ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ»

Г.А. Сорокина

Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина
Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, Россия, 123995

Статья посвящена анализу пелевинских текстов книги и текстов «Тибетской книги мертвых» — «Бардо Тхёдол». «Бардо Тхёдол» означает пространство существования человека *post mortem*. Согласно буддийскому учению в одной из частей «Бардо» каждая человеческая сущность ожидает своего очередного воплощения. Героиня Пелевина — Прекрасная Дама — находится среди них, но она отвергает свое новое рождение. В книге Пелевина символом реальной человеческой жизни является ананасная вода, которая является недоступной для Прекрасной Дамы. Книга Пелевина, включающая многочисленные буддийские образы и символы, энигматична и требует понимания буддийских реалий, связанных с «Бардо Тхёдол». Писатель трансформирует и приспосабливает фрагменты из древнего тибетского источника к идеям современного общества. Автор статьи предпринял попытку интерпретации пелевинских загадок.

Ключевые слова: Пелевин, «Тибетская книга мертвых», «Бардо Тхёдол», буддизм, реинкарнация, интерпретация.

Книга Виктора Олеговича Пелевина «Ананасная вода для прекрасной дамы» (2010) представляет собой сборник рассказов, которые, по-нашему мнению, имеют внутреннее единство. Одной из скреп этого сборника являются идеи буддизма, широко интерпретируемые автором. Исходя из этого, мы и приступаем к анализу этих произведений.

Книга «Ананасная вода для прекрасной дамы», удостоенная премии «Национальный бестселлер» за 2010 г., имеет подзаголовок «Война и мир», который, естественно, отсылает нас к его толстовскому смыслу. Сборник рассказов посвящен современной эпохе с ее острейшими проблемами, неизбежно влекущими за собой страдания людей. Книгу Пелевина, состоящую из разрозненных на первый взгляд повестей и рассказов, объединяет в единое целое в числе прочего и буддийский дискурс, присутствующий здесь, как и в других книгах писателя. На фоне широкой панорамы общественной жизни автор в художественной форме разрабатывает буддийскую идею страдания и, в частности, то, что в буддизме принято называть «первой благородной истиной», гласящей, что жизнь во всех сферах ее проявления характеризуется страданием.

Увлекательны и напряженны сюжеты, включающие политику, войны, деятельность спецслужб, жизнь олигархов, религию, современные эзотерические течения, оккультизм и псевдорелигиозные секты, паразитирующие на идеях, взятых из традиционных религий. Сюда вошли и размышления автора о различных сторонах буддийского учения — все это во взаимном переплетении и фантастическом, подчас абсурдном смешении создает образ нашей эпохи — эпохи демократии и свободомыслия. Но для Пелевина важно показать ее оборотную сторону: насилие и войны, открытые и тайные, осуществляющиеся под лозунгами демократии и свободы, показать мощную коммерческую, хищническую деятельность многочисленных, разбросанных по всему миру организаций, фондов, групп, сект и течений, использующих всевозможные духовные учения и культы, в том числе и восточные (среди которых шиваизм,

бон, буддизм и др.). Автору при этом удается перейти от отдельных фрагментарных эпизодов, ситуаций и историй из жизни современного общества, составляющих основную ткань книги, к философским обобщениям и завершить свой сборник грандиозной символической, поистине космической картиной того, что все неизбежно исчезает; даже пространство бытия, уходит в изначальную пустоту и снова становится «тем, чем было и будет всегда» [7. С. 349]. Именно эта величественная, космогоническая, философская пустотность, иллюзорность, преходящность, временность всех вещей и явлений, идей, концепций, по-видимому, и определяет глубочайшую иронию автора по отношению к так называемой «духовности», базирующейся на восточных учениях.

Современный писатель и журналист П. Басинский назвал эту книгу «бумажным гидом по современной эзотерике» [3]. Действительно, в определенной своей части она может быть прочитана как своеобразный каталог, классификатор, дающий представление о нынешнем состоянии общества относительно существования и функционирования на Западе и в России всевозможных течений, групп, направлений, основанных на восточных учениях: исламе, индуизме, бон, буддизме.

Образ бардо также находит свое отражение в пелевинском тексте. Согласно буддийским представлениям бардо — это пространство посмертного бытия человека, пространство инобытия. Так, в рассказе «Тхаги» действует персонаж, посвятивший жизнь изучению различных, в том числе восточных эзотерических учений, среди которых бон и буддизм. Этот персонаж мечтает с помощью тайных знаний, извлеченных из религиозных доктрин, обрести особые силы и сверхспособности и стать служителем Зла. Однако, не найдя источника таких сил, он высокомерно и невежественно отвергает эти учения. Наиболее ярко и выразительно пелевинская система классификации эзотерических направлений представлена именно в этом рассказе. Через этого героя писатель развертывает «каталог» современной эзотерики. Пелевинский персонаж — весьма узнаваемая фигура западной, в том числе и российской, урбанистической культуры, он — человек, занятый так называемыми духовными поисками, прежде всего на Востоке, он — хранитель поистине энциклопедических знаний о различных религиозно-философских учениях. Однако этот интеллектуализм не позволяет ему погрузиться и постичь ни одного из них. Для Пелевина важно показать именно этот западный прагматический, сугубо интеллектуальный, а следовательно, поверхностный, односторонний, чисто информационный, линейный подход, который на Востоке преодолевается и отвергается на пути духовного ученичества. Таким образом, Пелевин постоянно возвращается к проблеме фальшивого, эгоистического, неорганичного восприятия восточных учений на Западе.

Интересно то, что пелевинский взгляд на эту проблему перекликается с размышлениями австрийского писателя Роберта Музиля, которые мы находим в его романе «Душевные смуты воспитанника Тёрлеса» (1906) [8. С. 106—109]. Это сравнение возникает потому, что Музиль описывает сходную ситуацию в стремлении своих героев обрести в буддийском учении тот же источник тайных сил, якобы дающих возможность получить власть над другими людьми. Иными словами, персонажей Музиля отличает потребительское, опошленное восприятие буддийских идей, направленное только на то, чтобы «обеспечить себе господство, благодаря необыкновенным психическим силам» [6. С. 27]. Таким образом, мысли, высказанные Музилем по поводу феномена определенного восприятия буддизма на рубеже XIX—XX вв., сегодня звучат столь же остро и актуально, как и сто лет назад, и являются предметом философских, социологических, культурологических и литературоведческих исследований.

Один из современных ученых по этому поводу пишет, что жизнь такого рода адептов определяется неким набором правил, «которые обеспечивают людей более или менее эффективными программами действий и толкований происходящего. Как средства поддержания самосознания они дают человеку ощущение “себя особенного”».

...Применение того, что в философии или религиозном учении удобно и комфортно, плюс, возрастающее ощущение собственной уникальности, хотя и не имеет ничего общего с духовным развитием, может способствовать достижению успеха в создании предсказуемого, безопасного и приятного мира. С точки зрения западного общества, последнее уже само по себе позитивный результат... Отношение к буддизму как к привлекательному объекту с определенными правилами игры и поведением, не требующим вовлечения в практику, позволяет интерпретировать непосредственный жизненный опыт в понятиях духовного здоровья и лестном ощущении приобретения “вневременных качеств”» [1. С. 131—132].

Возвращаясь к книге «Ананасная вода для прекрасной дамы», отметим, что здесь образ бардо несет разную смысловую нагрузку. Прежде всего он включен в «каталог знаний» уже упомянутого персонажа, который излагает свое весьма ограниченное представление «продвинутого» знатока.

У Пелевина мы читаем: «С помощью сложной, занимающей полжизни практики разделить сознание на загробное бардо и путешествующего по нему бегунка, чтобы после смерти бегунок преодолевал бардо до полного прекращения электрохимических процессов в коре головного мозга. Изысканный жест подлинного ценителя тибетской культуры... Но я им так и не стал» [7. С. 303—304].

Судьба многих современных так называемых свободомыслящих адептов тибетского буддизма, задачей которых часто является «набраться эзотерического вокабуляра для общей эрудиции» [7. С. 304], по заключению того же пелевинского персонажа (читай — по тонким психологическим наблюдениям и выводам самого писателя) обычна: «...кончается тибетский буддизм исключительно православием, потому что после пятидесяти лет молиться тибетским чертям уже страшно» [7. С. 305].

Здесь Пелевин затрагивает проблемы восприятия огромного и сложного для понимания европейцев (а потому реально чуждого) пантеона сакральных и часто действительно устрашающих образов тибетского буддизма. Они являются органичной составной частью всей тибетской культуры и находят отражение в «Тибетской книге мертвых» — «Бардо Тхёдол».

Но не только об этом пишет Пелевин. Он затрагивает более широкую проблему восприятия иных религиозных и философских традиций, когда в западном обществе возникает специфический слой так называемых «последователей» восточных учений. Мысли Пелевина по сути созвучны мыслям современного российского исследователя: «Увлеченные внешней формой буддийской традиции, эти “последователи” воспроизводят культурные формы своим обликом, ритуальным поведением и прочими культурными проявлениями, оставаясь, по сути, абсолютно западными людьми, с неизменной вследствие своей практики системой ценностей и без попыток выхода за свои антропологические возможности. В данном случае речь может идти о чрезмерном увлечении экзотикой или обращении к буддизму вследствие моды на эзотеризм.

...Игра в подобие, сопровождающаяся пренебрежением к трансцендентным началам, или воспроизводство ускользающей духовности вне попыток внутреннего развития — с такими проблемами сегодня сталкиваются практически все религиозные

традиции. Мы можем называть это социокультурной инверсией или псевдоморфизмом» [1. С. 136].

Именно это модное увлечение буддизмом, которое остается, по сути дела, для так называемых адептов чуждым и подражательным, становится объектом иронии Пелевина и в этом сборнике. Автор пишет прежде всего о том, что происходит снижение, опошление национальных культурных традиций, в том числе и религиозно-философских идей, которые включаются в туристический и рекламный бизнес. При этом потребляется некий якобы «духовный» продукт, но эта «духовность» лишена какой бы то ни было экзистенциальной основы, так как достаточно (по выражению Пелевина) владеть оккультным дискурсом. По этому поводу уже упомянутый персонаж говорит: «Сначала меня сильно интересовал тибетский буддизм, потому что у него самая громкая реклама» [1. С. 142].

Однако действительность по Пелевину не столь однозначна и убога. Она не ограничивается идеологией потребления с ее искусственно сконструированными и постоянно стимулируемыми коммерческими интересами, ценностями и устремлениями, куда включаются и духовные запросы потребителей. Об этом Пелевин говорит словами другого героя: «Но к счастью, в мире Дхармы есть не только цветущий этнический бизнес и Стивен Сигал Ринпоче. Есть там и благородная випассана, высокая дорога всех будд и архатов, открытая для любого... Випассаной я занимаюсь для души, и на этом пути ни разу не встретил ни Бога, ни черта» [1. С. 143—144].

Иными словами, существует реальный буддизм с его многовековой традицией, теорией, практикой и ступенями совершенствования, а «благородная випассана» (випашьяна) означает «глубокое созерцание» как высшая ступень буддийской практики, когда адепт на основе полного успокоения сознания может достичь интуитивного прозрения, постигнуть иллюзорность, пустотность мира и обрести освобождение, что согласно буддийскому учению является высшей целью и побудительным мотивом.

Пелевин сделал текст «Бардо Тхёдол» сюжетной основой заключительной части своей книги — рассказа «Отель хороших воплощений». Этот рассказ носит символический характер и отсылает нас к соответствующим текстам «Тибетской книги мертвых». При этом Пелевин не использует специфических терминов из этого тибетского источника. Он постоянно приводит скрытые цитаты, размещает своего рода «указатели», чтобы таким образом отослать читателя к соответствующему отрывку из «Бардо Тхёдол».

Так, писатель подчеркивает, что действие рассказа протекает в двух пространствах — в реальной земной жизни, а именно в отеле, а также в Сидпа Бардо. О Сидпа Бардо свидетельствует, в частности, то, что ожидающая своего воплощения сущность «поглядела в донышко шампанской бутылки — словно чтобы увидеть свое отражение. Себя она не увидела» [7. С. 341]. Обратившись к тексту «Тибетской книги мертвых», читаем соответствующее наставление, гласящее, что на странствие в Сидпа Бардо указывает тот факт, что лицо и тело не дают отражения в воде и зеркале и тело не создает тени.

Фантастический сюжет рассказа связан со второй книгой «Бардо Тхёдол», называемой «Сидпа Бардо». В «Сидпа Бардо», являющейся ступенью и частью общего пространства бардо, попадают «ищущие родиться вновь» [9. С. 283]. Об этом повествует глава второй книги «Бардо Тхёдол», которая называется «Путь к новому воплощению».

По сюжету пелевинского рассказа здесь, в отеле с помощью Ангела новой жизни предстоит рождение сущности, которая должна, как говорится в «Бардо Тхёдол», приблизиться к входу в лоно и воплотиться в человеческом теле. Согласно тибетскому тексту в бардо появляется видение места будущего рождения [9. С. 273]. Кроме того, в тексте постоянно подчеркивается, что сознание в Сидпа Бардо обладает сверхнормальной способностью восприятия и может обозревать своим ясновидящим взором материки [9. С. 303]. Это и происходит с новой сущностью, скользящей по просторам России, Лос-Анжелеса и попадающей в отель своего предполагаемого воплощения.

У Пелевина Ангел говорит еще не рожденной сущности — прекрасной даме: «... ты можешь думать и чувствовать как люди уже сейчас» [7. С. 325]. И далее: «Тебе сейчас открыт общечеловеческий опыт» [7. С. 327]. Позднее у нее появляется «небесное, ангельское зрение», т.е. всепроникающее зрение, позволяющее видеть суть происходящего [7. С. 324—325], включая чтение чужих мыслей, проникновение через стены. Читатель воспринимает диалоги и мысли персонажей через «небесное зрение и слух» новой сущности. И это не только фантазия писателя. Ведь согласно «Бардо Тхёдол» перед взором того, кому предстоит воплощение, возникает видение брачующихся существ мужского и женского пола [9. С. 298]. Пелевинский сюжет развивается в том же направлении.

В «Бардо Тхёдол» все усилия устремлены к тому, чтобы помочь находящемуся в бардо избежать нового воплощения как источника страданий и «закрывать вход в лоно». Именно в этом смысл следующего наставления: увидев брачующихся, «ты должен удержать себя, чтобы не оказаться между ними» [9. С. 298]. Не желая нового воплощения, героиня Пелевина действует в соответствии с этим призывом, в котором также есть указание на то, как важно направлять свое внимание при возвращении в мир людей, для того, чтобы воплотиться в достойной семье, почитающей духовные ценности, «быть наделенным великой заслугой, чтобы служить всем чувствующим существам» [9. С. 314]. В наставлении о выборе лона воплощений также говорится: «Туда не иди. Вспомни об отвращении к нему, хотя там живут в неге и роскоши, не иди туда» [9. С. 305].

А поскольку вся атмосфера происходящего в отеле свидетельствует именно об этом — об отсутствии духовного начала у всех действующих лиц, об эгоистических и корыстных мотивах поведения — понятен отказ героини Пелевина от предлагаемого воплощения. Более того, описание «отеля хороших воплощений», по сути дела, воспроизводит достаточно узнаваемую информацию, многократно повторяемую в СМИ, об образе жизни неких олигархов. В результате сопоставления двух информационных пластов («Бардо Тхёдол» и современного) возникает противоречие между высоким смыслом тибетских наставлений и циничной земной реальностью, что и придает рассказу остросатирический смысл.

Таким образом, героиня отказалась от нового воплощения, канал рождения закрылся и все вокруг стало исчезать, появилась «синяя тьма». Символика синего цвета подробно объясняется в «Бардо Тхёдол»: «Это агрегат материи, вернувшейся в свое исходное состояние, которое есть синий цвет» [9. С. 215].

Затем в рассказе исчезает и черно-синее пространство, поскольку исчезает тот ум нерожденной сущности, который его воспринимает. Здесь писатель в очередной раз обращается к таким базовым понятиям, как «я», «ум», «сознание», «восприятие», «иллюзорность», «пустотность мира», которые он постоянно в различных вариантах разрабатывает в своих произведениях. В рамках собственной художественной систе-

мы он обсуждает те же философские проблемы буддизма, которые находят отражение в работах ученых-буддологов.

Еще раз обратимся к одной из таких проблем: что есть мир, действительность в буддизме? Известный российский философ, религиовед Е. Торчинов об этом пишет: «Буддизм мало интересовали метафизика и космология. Что касается последней, то в ней, пожалуй, в наибольшей степени проявился предельный психологизм буддизма, не мир сам по себе рассматривается буддизмом, а психокосм, то есть мир, переживаемый живым существом» [11. С. 312].

Пелевинский художественный метод подачи философского по своей сути материала, касающегося буддизма, можно с полным основанием назвать психологическим методом, так как он обращен прежде всего к опыту восприятия человека, в том числе и несведущего в вопросах буддизма, то есть к человеку как к представителю массовой культуры, что определяет многообразие способов репрезентации материала и уровень его изложения. Согласно древней буддийской традиции обучения этот уровень изложения зависит от уровня и возможностей восприятия аудитории. В любом случае объяснение должно быть направлено на облегчение понимания тех или иных сторон буддийского учения, и поэтому оно на определенном этапе апеллирует к здравому смыслу, эмпирическому, универсальному опыту воспринимающей аудитории. Именно такие специфические способы и средства объяснения различных аспектов буддизма (часто весьма экстравагантные) мы находим на страницах произведений Пелевина.

Обратимся к заглавию этой книги и попытаемся понять его глубинный, буддийский смысл, приданный ему автором. Отметим, что в литературной критике название вызвало скорее недоумение. Так, уже упомянутый П. Басинский пишет: «...симпатичное, но бессмысленное название новой книги Пелевина» [3]. Интересно то, что сам образ ананасной воды в тексте появляется только один раз на его последней странице, когда перед взором невоплотившейся сущности проплывает гостиничный номер, пляшущие и хохочущие девушки. «Последнее, что она различила, была стоящая на столе банка с нарисованным на боку ананасом — Маша подумала, что никогда теперь не узнает, какой вкус у воды внутри. Но там, куда она просыпалась, додумать эту мысль было уже нельзя» [7. С. 348—349].

Здесь следует сделать небольшое отступление и обратить внимание на то, что образ ананасной воды в русской литературе, несомненно, связан с выразительной, хлесткой и обценной фразой из поэмы «Вам» Вл. Маяковского: «Вам ли, любящим баб да блюда, / жизнь отдавать в угоду?! / Я лучше в баре б... буду / подавать ананасную воду!» [5. С. 75].

Это сравнение с Маяковским правомерно, так как образ ананасной воды в романе Пелевина несет ту же социокультурную нагрузку (если вспомнить атмосферу отеля, где происходит действие). Однако подчеркнутый отказ Пелевина от обценности и особый упор на галантную форму придает его фразе специфическую саркастическую тональность. При этом мы считаем, что это лишь первый, поверхностный, литературно-культурологический уровень прочтения образа ананасной воды. Существует и другой, более скрытый, глубинный, философский его смысл, обращенный к буддийскому учению.

Нереализация условий, направляющих к рождению, отказ от пути ведущего из бардо в пространство бытия, отказ от лона и в результате сожаление нерожденной сущности о невозможности ощутить вкус ананасной воды — для автора есть художественный прием, с помощью которого он демонстрирует значение и смысл буддийской идеи «обретения драгоценного человеческого тела», обладающего чувственны-

ми способностями и дающего возможность переживать состояние счастья, удовольствия, безразличия, страдания и возможность действовать. В буддийском учении предлагается четкое объяснение ценности обретения человеческого тела, называемого «драгоценным» из-за его огромной полезности.

«Великая полезность» тела в классическом труде патриарха школы Кагью тибетского буддизма XI в. Гампопы обосновывается прежде всего тем, что через его обретение «достигается осуществление смысла человеческой жизни» [4. С. 17]. В буддизме особо подчеркивается мысль о трудности родиться, стать человеком и обрести, таким образом, человеческие способности. Именно «из-за трудности достижения и великой полезности это человеческое тело с его свободами и преимуществами названо “драгоценным”» [4. С. 18].

Суммируя эти идеи относительно значения человеческого воплощения, приведем также высказывание Е. Торчинова, который писал: «Буддийские тексты постоянно говорят о том, что человеческое тело — редкая драгоценность, а обретение его — великое счастье, поскольку лишь человек способен достичь освобождения, и в высшей степени неразумно пропустить столь трудно обретаемую возможность» [10. С. 33].

Таким образом, существует двойственная философская трактовка, заключенная в заглавии сборника: счастье невоплощения в человеческом теле как способ избежать земных страданий и вместе с тем счастье воплощения. Иными словами, в книге звучит гимн человеческой жизни.

Анализ рассказа «Отель хороших воплощений» приводит нас к выводу, что Пелевин создает своеобразный «параллельный текст», основанный на «Тибетской книге мертвых». Писатель соблюдает логику и последовательность событий, описанных в «Бардо Тхёдол», доносит суть идей и мыслей тибетского источника, излагая их в другой форме — сниженным, разговорным языком, часто прибегая к иронии, сарказму, опираясь на эмпирический опыт современного общества, на опыт обыденной жизни, на примеры, доступные пониманию обычного человека, стремясь таким образом выделить универсальное в «Тибетской книге мертвых».

Таким образом, идеи и образы в различных произведениях Пелевина по замыслу автора хотя и функционируют в пространстве современной культуры, но не утрачивают связи с буддийским источником. Важно и то, что происходит обогащение современного литературного текста как за счет привнесения иной эстетическо-образной системы, так и за счет включения иных духовных, этических ценностей и символов. Оригинальные пелевинские интерпретации буддийских идей, в том числе идей «Бардо Тхёдол», глубоко резонируют с современной действительностью. Релевантность буддийских идей запросам западного и российского общества делает творчество Пелевина столь популярным и востребованным. Писатель расширяет пространство духовной свободы во многом благодаря обращению к буддийскому религиозно-философскому учению. Стремление к обретению этой духовной свободы сегодня, как известно, является одним из важнейших направлений в развитии общества. Особенностью современного мира является то, что «человек больше не зависит от географии своего рождения и может выбирать культурные и духовные традиции, способные наилучшим образом раскрыть его творческий и духовный потенциал. И мало того, он сам может внести ценный вклад в сохранение и развитие этих традиций» [2]. Таким вкладом следует считать и литературное творчество западных писателей, разрабатывающих буддийскую проблематику. Литература как чуткий индикатор откликается на все веяния времени. Сегодня совершенно очевидно, что одной из характерных особенностей развития западной цивилизации XX — начала XXI в. в рамках глобализации является активный познавательный интерес западного общества к буддизму.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Алексеев-Апраксин А.* Буддизм в Петербурге: история и современность. — СПб.: Олеариус Пресс, 2008.
- [2] *Алексеев-Апраксин А.* Европейский буддизм: формы духовного взаимодействия // seminar-vostok.ucoz.ru> alekseev-apraksin.pdf
- [3] *Басинский П.* О новинках русской прозы XXI века // Российская газета. 2011, 3 февраля.
- [4] *Гампопа Дж.* Драгоценное украшение освобождения. — СПб.: Уддияна, 2001.
- [5] *Маяковский В.* Полное собрание сочинений в 13 т. — М.: ГИХЛ, 1961. — Т. 1.
- [6] *Музиль Р.* Душевные смуты воспитанника Тёрлеса. — СПб.: Азбука, 2000.
- [7] *Пелевин В.* Ананасная вода для прекрасной дамы. — М.: Эксмо, 2011.
- [8] *Сорокина Г.* Буддизм в европейской культуре первой трети XX века. — М.: РАГС, 2008.
- [9] Тибетская книга мертвых. — СПб.: Азбука-классика, 2008.
- [10] *Торчинов Е.* Краткая история буддизма. — СПб.: Амфора, 2008.
- [11] *Торчинов Е.* Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. — СПб.: Азбука-классика, 2007.

LITERATURA

- [1] *Alekseev-Apraksin A.* Buddizm v Peterburge: istorija i sovremennost. — SPb.: Olearius Press, 2008
- [2] *Alekseev-Apraksin A.* Evropejsky Buddizm: formy duhovnogo vzaimodejstvija// seminar-vostok.ucoz.ru> alekseev-apraksin.pdf
- [3] *Basinsky P.* O novinkah ruskoj prozy XXI veka // Rossijskaja gazeta. 2011, 3 fevralja
- [4] *Gampopa D.* Drogocennoje ukrashenie osvobo denija. — SPb.: Uddijana, 2001.
- [5] *Majakovsky V.* PSS v 13 t. — M.: GIHL, 1961. — T. 1.
- [6] *Muzil R.* Dushevnyje smuty vospitannika Terlesa. — SPb.: Azbuka, 2000.
- [7] *Pelevin V.* Ananasnaja voda dla prekrasnoj damy. — M.: Eksmo, 2011.
- [8] *Sorokina G.* Buddizm v evropejskoj culture pervoj treti XX veka. — M.: RAGS, 2008.
- [9] Tibetskaja kniga mertvyh. — SPb.: Azbuka-klassika 2008.
- [10] *Torchinov E.* Kratkaja istorija buddizma. — SPb.: Amfora, 2008.
- [11] *Torchinov E.* Religii mira: Opyt zapredelnogo. Psihotehnika i transpersonalnyje sostojanija. — SPb.: Azbuka-klassika, 2007.

THE REMINISCENCES OF THE TIBETAN BOOK OF THE DEAD IN THE V. PELEVIN BOOK «PINE-APPLE WATER FOR THE BEAUTIFUL LADY»

G.A. Sorokina

Kutafin Moscow State Law University.
St. Sadovaja-Kudrinskaja, 9, Moscow, Russia, 123995

The article is devoted to the analyzing of Pelevin's texts of the mentioned work and the texts of Tibetan Book of the Dead — Bardo Th dol. In Tibetan Bardo Th dol means the space of human being's existence post mortem. According to Buddhism in one of the parts of Bardo every human being waits for the next reincarnation. Pelevin's main character — The Beautiful Lady — is among them, but she rejects her new birth. In Pelevin's book the symbol of real human being's life is pine-apple water, which is inaccessible for The Beautiful Lady. The Book by Pelevin including numerous Buddhistic images and symbols is enigmatic and demands the comprehensions of Buddhistic realities connected with Bardo Th dol. The writer transforms and adapts the fragments from this ancient Tibetan source to the ideas of modern society. The author of the article has attempted to interpret Pelevin's enigmas.

Key words: Pelevin, Tibetan Book of the Dead, Bardo Th dol, Buddhism, reincarnation, interpretation.